

Г.Е. ГИГОЛАЕВ

СОВЕТСКО-ИТАЛЬЯНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 1953–1956 годов. По новым архивным материалам

В 1953 г. после смерти И.В. Сталина начался новый период в истории международных отношений, характеризовавшийся ослаблением напряженности, возобновлением диалога между западными странами и СССР. Этот период в научной литературе именуют "ранней разрядкой". Исследователи используют этот термин осторожно, с оговорками, предпочитая говорить скорее о снижении интенсивности "холодной войны", прекращении ее наиболее острой фазы, так называемой "горячей холодной войны" конца 1940-х – начала 1950-х годов, начале послесталинской "оттепели"¹.

Хронологические рамки "ранней разрядки" определяются 1953–1956 гг.²; ее знаковым событием стало Женевское совещание на высшем уровне 1955 г.³, которое было первым (после Потсдамской конференции 1945 г.) форумом глав государств и правительств СССР, США, Великобритании и Франции – бывших союзников по Антигитлеровской коалиции. Конец "ранней разрядке" положили венгерские события и Суэцкий кризис 1956 г.

Проблема взаимоотношений между СССР и Италией в годы "ранней разрядки" мало изучена в российской историографии. Специальных исследований по этому вопросу не существует. В СССР этот период рассматривался в общих работах по истории международных или советско-итальянских отношений послевоенного времени⁴.

Единственной современной работой по истории советско-итальянских отношений в послевоенные годы, написанной на базе российских архивных материалов и рассматривающей интересующий нас хронологический период, является книга И.А. Хормач "СССР – Италия и блоковое противостояние в Европе: вторая половина 40-х – первая половина 60-х годов"⁵.

В конце XX – начале XXI в. появился ряд ранее неизвестных, главным образом архивных, источников, позволяющих по-новому взглянуть на советско-итальянские отношения в 1953–1956 гг.

Исследователям стали доступны документы министерства иностранных дел (МИД) СССР из Архива внешней политики Российской Федерации, материалы ЦК КПСС из фондов Российского государственного архива новейшей истории, источники из других

Гиголаев Герман Ефимович – младший научный сотрудник ИВИ РАН.

¹ Ди Нольфо Э. История международных отношений (1918–1999 гг.), т. 2. М., 2003, с. 222–223, 255; Roter J.-C. Cold War or East-West Confrontation: Some Methodological reflections. – Холодная война и политика разрядки: дискуссионные проблемы. М., 2003, с. 31–43; Лундестад Г. Восток, Запад, Север, Юг. Основные направления международной политики. 1945–1996. М., 2002, с. 102–104.

² Ди Нольфо Э. Указ. соч., т. 2, с. 222; Лундестад Г. Указ. соч., с. 102–104.

³ Roter J.-C. Op. cit. p. 37.

⁴ Ванин А. Советско-итальянские отношения. Проблемы, тенденции, перспективы. М., 1982; Тимофеев Н.И. СССР–Италия: культурные связи (история и современность). М., 1980; Протопопов А.С. Внешняя политика Италии после второй мировой войны. Краткий очерк. М., 1963; Варес П.А. Рим и Вашингтон. История неравного партнерства. М., 1983; Международные отношения после второй мировой войны, в 3-х т. М., 1963–1965.

⁵ Хормач И.А. СССР–Италия и блоковое противостояние в Европе: вторая половина 40-х – первая половина 60-х годов. М., 2005.

хранилищ (Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива литературы и искусства).

Проблема развития советско-итальянских отношений периода "ранней разрядки" актуальна не только в историографическом контексте, но и в плане изучения и развития отношений между нашей страной и Италией в настоящее время.

Развиваясь в общих рамках взаимодействия между СССР и Западом, эти отношения имели разный внутривнутриполитический контекст в СССР и в Италии. В СССР они были индикатором расстановки сил в Кремле и показателем намерений советского руководства после смерти Сталина.

В Италии, где была сильнейшая на Западе коммунистическая партия, шла внутривнутриполитическая борьба между коммунистами, социалистами и христианскими демократами, в частности по проблемам итало-советских отношений и роли Италии в западном сообществе и в мире в целом. Этот внутривнутриполитический компонент учитывался как в Риме, так и в Москве и Вашингтоне.

В "холодной войне" Италия была на стороне Запада, однако в итальянском обществе существовали серьезные разногласия как по поводу дальнейшего социально-экономического развития страны, так и по поводу ее внешнеполитической ориентации. Если Христианско-демократическая партия (ХДП), победившая на парламентских выборах в Италии в апреле 1948 г. при активной поддержке США, придерживалась атлантической ориентации, то вторая и третья по силе партии страны – коммунистическая (ИКП) и социалистическая (ИСП) – больше симпатизировали Советскому Союзу. Это заставляло ХДП еще активнее сотрудничать с США и с недоверием относиться к СССР – лидеру коммунистического мира.

США, опасаясь прихода к власти в Италии коммунистов, оказывали всемерную поддержку ХДП. Это выражалось как в содействии ХДП в предвыборной борьбе в 1948 г., так и в оказании помощи итальянской экономике, которая в конце 40-х – начале 50-х годов становилась на ноги после спада, вызванного Второй мировой войной.

Важным аспектом американской помощи была поддержка Италии на мировой арене. Прием Италии в НАТО в 1949 г. отчасти объяснялся стремлением США поддержать ХДП⁶. Западные союзники пошли на отмену ряда ограничений, налагаемых на Италию мирным договором 1947 г., который итальянцы воспринимали как несправедливый и пытались пересмотреть.

26 сентября 1951 г. США, Великобритания и Франция выступили с декларацией, в которой говорилось о необходимости устранить ограничения дискриминационного характера, затрагивавшие, прежде всего, способность Италии к обороне. СССР обвинялся в том, что он препятствовал принятию Италии в ООН⁷.

8 декабря 1951 г. итальянское правительство направило государствам, подписавшим мирный договор с Италией, в том числе и СССР, ноту, в которой заявило, что "дух и некоторые ограничительные постановления", налагаемые договором, "не соответствуют более существующему положению", и потребовало пересмотра преамбулы, политических и военных постановлений мирного договора⁸.

25 января 1952 г. советское правительство ответило на итальянскую ноту. Советская сторона соглашалась пересмотреть договор, выдвигая главным условием своего согласия выход Италии из "агрессивного Североатлантического блока" и недопущение на территорию Италии иностранных войск и военных баз⁹. Таким образом, речь шла о превращении Италии в нейтральную страну¹⁰.

⁶ Varsori A. Italy and the European Defense Community: 1950–1954. – Shaping Postwar Europe: European Unity and Disunity, 1945–1957. New York, 1991, p. 101–102.

⁷ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ), ф. 98, оп. 38, п. 244, д. 18. л. 5–6.

⁸ Там же, оп. 36, п. 233, д. 25, л. 6–7.

⁹ Там же.

¹⁰ Хормач И.А. Указ. соч., с. 291.

В вопросе о вступлении в НАТО итальянское правительство колебалось. Италия боялась роста военных расходов, а также участия в обязательствах военного характера. Вступая в НАТО, Италия надеялась преодолеть положения мирного договора, повысить свой статус на мировой арене и, что было очень важно, получать помощь, главным образом экономическую, от США и других союзников по НАТО.

Италия придавала особую важность экономической стороне НАТО, постоянно напоминая о статье 2 Североатлантического договора, предусматривавшей развитие экономического сотрудничества между членами НАТО, и политическим аспектам вхождения в сообщество западных держав¹¹.

Переговоры по Европейскому оборонительному сообществу (ЕОС), в которых участвовала Италия, также вызывали беспокойство СССР в силу того, что предусматривали включение ФРГ в систему западных военных союзов.

Пропагандистский ход советской дипломатии должен был способствовать отвлечению Италии от этих переговоров. Однако большинство государств, подписавших мирный договор с Италией, согласилось на его пересмотр, поэтому итальянская сторона стала считать договор утратившим силу.

8 февраля 1952 г. министерство иностранных дел Италии направило в посольство СССР в Риме ноту, в которой говорилось об отказе Италии выполнять свои обязательства по мирному договору в отношении СССР. Выполнение обязательств было увязано с вопросом о поддержке Советским Союзом принятия Италией в ООН. СССР неоднократно блокировал принятие Италией в ООН, поскольку добивался одновременного с Италией принятия в эту организацию своих союзников – стран народной демократии, чему противились западные державы¹².

Главными спорными вопросами, вытекавшими из мирного договора, были проблема выплаты Италией репараций Советскому Союзу и репатриация на родину бывших итальянских военнопленных и перемещенных лиц. Репарации на сумму 100 млн. долл. США должны были выплачиваться из двух источников: во-первых, итальянскими активами в Болгарии, Венгрии и Румынии и во-вторых, поставками из текущей продукции итальянской промышленности на сумму, соответствующую разнице между суммой в 100 млн. долл. и ценой итальянских активов.

Но советская сторона оценила итальянские активы в 11,5 млн. долл., а итальянская – в 177 млн. В ходе переговоров, проходивших в Москве в феврале–мае 1951 г., итальянская сторона согласилась снизить цену активов до 130 млн. долл., а советская – поднять до 15–20 млн. долл. при условии, что итальянцы оценят активы ниже 100 млн. долл.¹³

20 августа 1951 г. итальянский посол в Москве М. Брозио в беседе с заместителем министра иностранных дел СССР А.Е. Богомоловым намекнул на возможность выплаты 20 млн. долл. за счет товарных поставок, оценив итальянские активы в 80 млн. долл. Советская сторона отказалась от этого предложения. В дальнейшем обсуждение этого вопроса прекратилось в связи с нотой итальянского правительства от 8 февраля 1952 г.

Что касается репатриации, то, во-первых, к началу 1953 г. не была завершена репатриация советских граждан из Италии; во-вторых, не находила своего разрешения проблема возмещения Италией расходов по репатриации бывших итальянских военнопленных и гражданских лиц, освобожденных советскими войсками; в-третьих, в СССР отбывали наказание 27 бывших итальянских военнопленных, обвиненных в военных преступлениях. Просьбы итальянского посольства об их освобождении советская сторона оставляла без ответа ввиду позиции Италии по репатриации советских граждан. Советские и итальянские данные о числе репатриированных из СССР итальянцев суще-

¹¹ Varsori A. Op. cit., p. 101–102; Brogi A. Ike and Italy: The Eisenhower Administration and Italy's "Neo-Atlanticist" Agenda. – Journal of Cold War Studies, v. 4, № 3, 2002, p. 5–35; Италия. М., 1973, с. 396–398.

¹² АВР РФ, ф. 98, оп. 36, п. 233, д. 25, л. 8.

¹³ Там же, ф. 98, оп. 38, п. 244, д. 18, л. 8; оп. 36, п. 233, д. 25, л. 10.

ственно отличались. Италия признавала репатриацию почти вдвое меньшего числа бывших военнопленных, чем было заявлено СССР¹⁴.

"Холодная война" отрицательно повлияла на экономическое и культурное взаимодействие между Италией и СССР. 11 декабря 1948 г. между двумя странами был заключен договор о торговле и мореплавании, к которому прилагалось соглашение о товарообороте на три года. По истечении этого срока, с 1952 г., базой для развития двусторонней торговли стали протоколы о товарообороте на один год¹⁵. В начале 50-х годов страны НАТО ввели ограничения на торговлю стратегическими товарами с СССР и его союзниками. Промышленное оборудование, морские суда и другие технически сложные изделия, интересовавшие СССР в Италии, попадали в эту категорию. Поэтому итальянцы могли предложить Советскому Союзу, прежде всего, сельскохозяйственную продукцию и потребительские товары, что не устраивало советскую сторону. Предлагаемая СССР номенклатура товаров также зачастую не удовлетворяла итальянцев. Поэтому согласование протоколов о товарообороте стало непростым делом. Эти протоколы долго обсуждались и не выполнялись в полном объеме.

Культурные связи на правительственном уровне были практически заморожены. На неправительственном уровне, где главными действующими лицами были Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) и итальянская неправительственная организация "Итальянское общество культурной связи с Советским Союзом" (общество "Италия-СССР"), также было много проблем. После выхода ИКП и ИСП из правительства в 1947 г. отношение итальянских властей к деятельности общества "Италия-СССР" стало резко отрицательным. Общество рассматривалось как филиал компартии. Это было неудивительно, учитывая, что "в руководящие органы общества, особенно его провинциальных отделений, входили преимущественно коммунисты"¹⁶.

После смерти Сталина деятельность общества "Италия-СССР" в Москве оценивалась как "сектантская". В 1954 г. уполномоченный ВОКС в Италии К.П. Орлов отмечал, что "изменения в составе общества после 1947 г. (одни коммунисты и социалисты) облегчают задачу правительства по борьбе с ним, так как в Италии складывается мнение, что культурные связи с СССР – монополия коммунистов"¹⁷.

В марте 1953 г. к власти в СССР пришло так называемое "коллективное руководство". Было бы преувеличением сказать, что смерть Сталина стала рубежом, отделяющим период жесткой конфронтации, но потепление отношений Востока и Запада наметилось уже в 1953 г.

У многих европейцев появились надежды на то, что "холодная война" должна скоро закончиться¹⁸, да и новое советское руководство давало понять, что оно заинтересовано в решении сложных международных проблем, поставленных предшествующей эпохой. "Ранняя разрядка" середины 1950-х годов во многом не состоялась (если сравнивать ее с разрядкой конца 1960-х–1970-х годов), но ослабление международной напряженности было налицо¹⁹.

Политика СССР, казалось, демонстрировала явное стремление к ослаблению противостояния с Западом. Заявления нового председателя Совета министров СССР Г.М. Маленкова в марте 1953 г. (на похоронах Сталина) и в августе 1953 г. (на сессии Верховного Совета СССР) о возможности мирного сосуществования двух систем и наметившейся разрядке международной атмосферы свидетельствовали об этом. Помимо деклараций,

¹⁴ Там же, ф. 98, оп. 36, п. 233, д. 25, л. 11, 15; ф. 98, оп. 36, п. 232, д. 9, л. 3–7.

¹⁵ *Медведевский В.П.* СССР – Италия. Итоги и перспективы экономического сотрудничества. – Внешняя торговля, 1978, № 10, с. 24–29.

¹⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), ф. 9576, оп. 6, д. 11, л. 2.

¹⁷ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ), ф. 5, оп. 28, д. 232, л. 181–193.

¹⁸ *Varsori A.* Op. cit., p. 108; АВП РФ, ф. 06, оп. 13, п. 12, д. 129, л. 6–7.

¹⁹ *Егорова Н.И.* Понятие "разрядка" в 1950-е годы: советская и западная интерпретации. – Холодная война и политика разрядки, с. 64–90; *ее же.* Европейская безопасность, 1954–1955 гг.: поиски новых подходов. – Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. М., 2003, с. 455.

было и немало практических действий, которые демонстрировали возможность компромисса: отказ СССР от претензий к Турции, заключение перемирия в Корее в 1953 г., достижение договоренности по Индокитаю на Женевской конференции в 1954 г., начало нормализации советско-югославских отношений, подписание австрийского Государственного договора в 1955 г. Кульминацией "ранней разрядки" было Женевское совещание руководителей США, СССР, Великобритании и Франции в июле 1955 г. и рождение так называемого "духа Женевы".

Однако прослеживалась и обратная тенденция. В 1954–1955 гг. состоялось подписание Парижских соглашений и, как следствие, вступление ФРГ в Западноевропейский союз (ЗЕС) и НАТО, а также создание противостоявшего НАТО военно-политического блока союзников СССР – Организации Варшавского договора. Таким образом, блоковое противостояние продолжило свое оформление в институциональном плане.

Неоднозначность наступившей эпохи можно проследить и по речам Маленкова. На июльском 1953 г. пленуме ЦК КПСС он говорил о неизбежном обострении отношений между силами коммунизма и империализма, а ценность советской мирной инициативы видел, прежде всего, в том, что она вносит раскол в лагерь противника²⁰.

Противоречивость позиции СССР объяснялась во многом тем, что 1953–1955 гг. были периодом борьбы за власть в рамках "коллективного руководства". Каждый из высших советских руководителей – Маленков, Берия, Хрущев, Молотов имел свои взгляды на внешнюю политику, более того, эти взгляды могли претерпевать резкие изменения по прагматическим соображениям, продиктованным стремлением обойти конкурентов во внутривластной борьбе.

На фоне начавшихся изменений в СССР и в мировой политике в целом, в Италии также происходили существенные перемены. 1953 г. стал и для итальянской политической жизни определенным рубежом. Закончилась эпоха А. Де Гаспери. 7–8 июня 1953 г. прошли очередные политические выборы, на которых ХДП набрала меньше голосов, чем в 1948 г. (ХДП получила 262 места в Палате депутатов, прочие проправительственные партии – социал-демократы, либералы и республиканцы – также в основном ухудшили свои позиции, и всего правительственный блок получил 303 места). В то же время позиции ИКП и ИСП несколько усилились (ИКП получила 143 места, а ИСП – 75)²¹.

Эти результаты объяснялись, главным образом, внутривластными обстоятельствами, прежде всего, намерением правительства Де Гаспери внести изменения в избирательное законодательство²², однако необходимо учесть и внешнеполитические факторы. В условиях наметившегося ослабления напряженности, прежний жесткий курс Де Гаспери не казался итальянцам единственным и необходимым. Сформированное Де Гаспери однопартийное правительство, не получив доверия в парламенте, ушло в отставку. Новое правительство, также однопартийное, сформировал христианский демократ Дж. Пелла. После ухода Де Гаспери с итальянской политической сцены, все большее влияние в ХДП и в итальянской политике в целом получали представители левого крыла партии, с которыми тесно связано понятие "неоатлантизм".

Это течение, распространившееся в Италии в 1950-е годы, требовало пересмотра отношения к НАТО. Неоатлантисты настаивали на важности консультаций между союзниками, подчеркивали необходимость интенсификации экономического сотрудничества внутри НАТО и говорили о признании особых интересов Италии на Ближнем Востоке и в Средиземноморье²³.

²⁰ Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие материалы. М., 1999, с. 355.

²¹ РГАНИ, ф. 5, оп. 28, д. 232, л. 32–34, 95–96.

²² Речь идет о так называемом "мошенническом законе", который должен был позволить партии, набравшей свыше 50% голосов, получить две трети мест в парламенте. Не оказав поддержки ХДП, итальянские избиратели тем самым выразили свое отношение к этому закону. – Там же.

²³ Brogi A. Op. cit., p. 8–9; Италия, с. 397–398.

Традиционно к неоатлантистам относят Дж. Гронки, который в 1955 г. стал президентом республики, секретаря ХДП А. Фанфани и президента государственного нефтегазового объединения ЭНИ²⁴ Э. Маттеи, а также лиц из их окружения. К неоатлантизму позднее стали склоняться и другие, более правые политики, в частности Пелла. С этими именами в основном были связаны инициативы по улучшению отношений между СССР и Италией в середине 50-х – начале 60-х гг.

Тем не менее, в 1953–1954 гг. отношение советских дипломатов к левым демохристианам было настороженным. В направленной 20 января 1954 г. министру иностранных дел СССР Молотову советским послом в Италии М.А. Костылевым справке "Течения и группы в христианско-демократической партии Италии" политика сторонников Гронки сравнивалась с политикой Дж. Сарагата, направленной на раскол между коммунистами и социалистами, а позиция течения "Демократическая инициатива" Фанфани характеризовалась как "демагогия", "фашистский корпоративизм" и "клерикализм"²⁵.

Касаясь разногласий, возникших между различными течениями ХДП после выборов июня 1953 г., советские дипломаты говорили об их тактическом характере²⁶. МИД СССР оценил исход июньских выборов в Италии как успех левых сил и поражение ХДП. 9 июня Молотов поручил советнику посольства СССР в Италии С.С. Михайлову подготовить к 15 июля 1953 г. предложения по улучшению советско-итальянских отношений. На основании составленной Михайловым записки (Костылев одобрил содержащиеся в ней предложения) 19 июля 1953 г. Молотов поручил своему заместителю В.А. Зорину подготовить предложения к заседанию коллегии МИД²⁷.

Михайлов считал, что "изменение обстановки в Италии в связи с успехами левых сил благоприятствует активизации внешней политики СССР в отношении этой страны, в связи с чем можно пойти на некоторые уступки в ряде спорных вопросов, не опасаясь, что эти шаги СССР будут восприняты как проявление слабости. Напротив, в свете последних событий они будут правильно оценены итальянским и мировым общественным мнением как поддержка, оказанная демократическим силам"²⁸. Речь шла об урегулировании ряда мелких вопросов, которые, по словам Михайлова, "использовались реакционными кругами чтобы путем клеветнической пропаганды систематически восстанавливать общественное мнение против Советского Союза"²⁹, то есть о проблемах репараций и репатриации.

Михайлов предлагал согласиться на полное покрытие репараций активами Италии в Венгрии, Болгарии и Румынии, причем сделать это в уведомительном порядке, выразив надежду, что это будет способствовать урегулированию других спорных вопросов, в частности, по возмещению расходов по репатриации итальянских граждан³⁰. Также предлагалось освободить всех осужденных в СССР итальянских военнопленных и продолжить переговоры по вопросам, связанным с репатриацией итальянских граждан из СССР и советских граждан из Италии (увязав последний вопрос с вопросом об освобождении осужденных итальянцев). Решение этих проблем, по мнению Михайлова, не привело бы к радикальному изменению двусторонних отношений, но способствовало бы улучшению их общей атмосферы и, в частности, развитию экономических отношений, а расширение торговли, в свою очередь, компенсировало бы ущерб от уменьшения суммы репараций.

²⁴ Ente Nazionale Idrocarburi – ENI.

²⁵ РГАНИ, ф. 5, оп. 28, д. 232, л. 71–72, 77.

²⁶ Там же, л. 83.

²⁷ АВП РФ, ф. 98, оп. 36, п. 233, д. 25, л. 28.

²⁸ Там же, л. 29–30.

²⁹ Там же, л. 30.

³⁰ Михайлов мотивировал свое предложение тем, что, чем больше времени проходит с окончания войны, тем труднее требовать возмещения ущерба, кроме того, если будет сформировано "реакционное" правительство, оно займет такую же позицию, как и правительство Де Гаспери, а перед более "демократическим" правительством ставить вопрос о репарациях политически невыгодно. – Там же, л. 32–35.

В беседе с Костылевым 19 июня 1953 г. лидер ИКП П. Тольятти упоминал о том, что итальянские деловые круги недовольны внешнеторговой политикой своего правительства, ориентированной на Запад, и хотели бы завязать торговлю с КНР, СССР и странами народной демократии³¹.

Соображения Михайлова 22 июля 1953 г. в целом были одобрены Первым европейским отделом МИД и замминистра Зориным, который 23 июля направил Молотову материалы "К коллегии". Сомнения Первого европейского отдела вызвала постановка вопроса о возмещении Италией расходов по репатриации своих граждан, поскольку предъявление "довольно значительных финансовых претензий" не способствовало бы улучшению двусторонних отношений. Отдел предложил рекомендовать министерству внутренней и внешней торговли разработать предложения о расширении торговли с Италией, а послу в Риме Костылеву – об активизации культурных связей между странами³².

Зорин дополнил эти рекомендации своими соображениями: "по поводу Свободной территории Триест не предпринимать каких-либо действий", а по вопросу "приема Италии в ООН занять более гибкую позицию, чем нынешняя". Замминистра иностранных дел также согласился с необходимостью активизации политики в отношении Италии, учитывая "успехи демократических сил на парламентских выборах и неустойчивое положение правительства Де Гаспери"³³.

Тем не менее, месяц спустя МИД направил в Президиум ЦК КПСС "более умеренный" вариант предложений по улучшению советско-итальянских отношений, в котором предлагалось возобновить переговоры о репарациях, оценив итальянские активы в Восточной Европе в 80 млн. долл. и добиваясь от итальянцев выплаты 20 млн. долл. Также предполагалось репатриировать 10 из 27 задержанных в СССР итальянцев, а относительно репатриации остальных "заявить в устной форме итальянской стороне, что советское правительство могло бы благожелательно рассмотреть вопрос об амнистировании и репатриации остающихся 17 осужденных итальянских военнопленных, если итальянское правительство даст согласие сделать, после репатриации этих итальянцев, заявление о том, что оно считает репатриацию итальянских военнопленных из СССР завершенной"³⁴.

Таким образом, рекомендации, подготовленные в июле 1953 г., не были учтены, хотя их принятие способствовало бы урегулированию наиболее острых проблем советско-итальянских отношений. Из документов АВП РФ неясно, на какой стадии рекомендации Михайлова, одобренные, казалось бы, на всех уровнях МИД СССР, были заменены на более жесткие³⁵.

К тому же пришедшее к власти в Италии в августе 1953 г. правительство Пелла заявило о том, что оно твердо будет придерживаться проатлантического курса. В документах МИД СССР период правительства Пелла отмечается как время некоторого улучшения двусторонних отношений. Однако благожелательность Пелла в отношении СССР³⁶, прежде всего, связана с ситуацией, возникшей вокруг Триеста, переговоров по ЕОС и положения Италии в НАТО.

Обеспокоенное маневрами США по привлечению Югославии к западной системе обороны, итальянское правительство потребовало от союзников выполнения условий декларации от 20 марта 1948 г. – передачи всей "Свободной территории Триест" (СТТ) под управление Италии. Пелла пытался шантажировать американцев и англичан, требуя поддержки в вопросе о СТТ в обмен на ратификацию ЕОС, но здесь выявилась сла-

³¹ Там же, л. 36–39.

³² Там же, л. 23–27.

³³ Там же, л. 64–65.

³⁴ Это условие было важным, так как итальянские власти не признавали завершение репатриации военнопленных из СССР. – АВП РФ, ф. 98, оп. 36, п. 233, д. 25, л. 41–43.

³⁵ И.А. Хормач указывает, что предложения Зорина были одобрены Молотовым. Однако неясно, что заставило Молотова пересмотреть свое отношение к ним. – *Хормач И.А. Указ. соч.*, с. 357.

³⁶ АВП РФ, ф. 98, оп. 38, п. 244, д. 18. л. 6–7; *Хормач И.А. Указ. соч.*, с. 358–366.

бость позиций Италии в НАТО – с ней просто не захотели считаться. Правительство Пелла, потерпев поражение в триестском вопросе, в январе 1954 г. ушло в отставку³⁷.

В феврале 1954 г. было сформировано правительство М. Шельбы, представителя правого крыла ХДП. Оно просуществовало до июня 1955 г.³⁸ Отношения между СССР и Италией при кабинете Шельбы развивались, по мнению МИД СССР, неудовлетворительно. В 1954 г. вырос торговый обмен, что было следствием подписанного еще при Пелла протокола о товарообороте³⁹. Однако в 1955 г. объем торговли упал. В сфере культурных связей наблюдались те же явления, что и в предшествующий период. Отношение итальянского правительства к обществу "Италия–СССР" как филиалу компартии, а к его деятельности как к советской пропаганде, не изменилось⁴⁰.

8 марта 1954 г. итальянская сторона обратилась к советской с нотой о культурном обмене, в которой говорилось, что "любая инициатива и любое предложение в этой области должны исходить от правительства и адресоваться правительству"⁴¹.

Итальянское правительство негативно реагировало на адресованные западным странам советские инициативы по созданию системы коллективной безопасности в Европе и по германскому вопросу, справедливо полагая, что данные предложения направлены на затягивание подписания, а затем и ратификации Парижских соглашений⁴².

Как 15 марта 1955 г. объяснял итальянский посол Ди Стефано в беседе с Н.А. Булганиным, незадолго до того возглавившим советское правительство, причин инертности Италии в отношении советских предложений было три: во-первых, отношения Италии с США и другими западными странами, во-вторых, наличие в стране сильной оппозиции, настроенной просоветски, в-третьих, двойственная природа самого СССР⁴³.

Позитивных сдвигов в советско-итальянских отношениях нельзя было ожидать без серьезных изменений в отношениях между СССР и Западом в целом, в расстановке политических сил в Италии, в советских идеологических и внешнеполитических установках. Эти изменения начали происходить с середины 1955 г. Во-первых, летом 1955 г. в Италии было сформировано новое правительство во главе с А. Сеньи, тоже правым, но более умеренным деятелем ХДП, во-вторых, президентом был избран Дж. Гронки, в-третьих, прошло Женевское совещание на высшем уровне.

В 1956 г., после происшедшего в СССР XX съезда КПСС, в Италии начались изменения в положении ряда партий, прежде всего левых. На этом фоне советско-итальянские связи несколько активизировались. Премьер Сеньи и секретарь ХДП Фанфани приветствовали решения Женевского совещания и говорили о стремлении Италии активно участвовать в смягчении международной напряженности⁴⁴. 5 августа 1955 г. советский посол А.Е. Богомолов посетил Гронки и "сделал ему заявление по вопросу об улучшении советско-итальянских отношений". Гронки приветствовал возможность возобновления переговоров о нормализации отношений. 3 сентября генеральный секретарь МИД Италии Р. Лонги передал Богомолову ответную памятную записку, в которой выражалось согласие Италии "на ведение переговоров обычным дипломатическим путем"⁴⁵. В МИД СССР решили поднять уровень переговоров, для чего предлагалось при-

³⁷ Varsori A. Op.cit., p. 109; Аникиев А.С. Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период "холодной войны" (1945–1957). М., 2002, с. 238–244.

³⁸ АВП РФ, ф. 98, оп. 38, п. 244, д. 18, л. 5–11.

³⁹ Объем советско-итальянской торговли в 1954 г. стал максимальным за весь послевоенный период, но при этом он составил всего 1,65% от внешнеторгового оборота Италии. – Там же, оп. 39, п. 247, д. 12, л. 8; ф. 021, оп. 9, п. 2, д. 56, л. 8.

⁴⁰ ГАРФ, ф. 5283, оп. 16, д. 289, л. 36.

⁴¹ АВП РФ, ф. 98, оп. 38, п. 244, д. 118, л. 10–11.

⁴² Там же, оп. 37, п. 238, д. 3, л. 79–82.

⁴³ РГАНИ, ф. 5, оп. 30, д. 116, л. 14–26.

⁴⁴ Приверженность атлантизму воспринималась советской стороной как нежелание улучшать отношения с СССР. – АВП РФ, ф. 98, оп. 38, п. 244, д. 18, л. 22–27.

⁴⁵ Там же, ф. 21, оп. 9, п. 2, д. 56, л. 6–7.

гласить в Москву итальянского министра иностранных дел Мартино, затем было предложено пригласить не только Мартино, но и премьеру Сеньи.

Предложение провести советско-итальянские переговоры на высшем уровне Зорин, который внес его в ЦК КПСС 27 октября 1955 г., объяснял событиями 1955 г.: Женевское совещание, подписание австрийского Государственного договора, визит в Москву канцлера ФРГ К. Аденауэра и установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ. По мнению замминистра иностранных дел, настал момент для нормализации советско-итальянских отношений. Однако 5 ноября 1955 г. в ЦК КПСС решение вопроса было отложено⁴⁶. Лишь в конце декабря 1955 г. вопрос был рассмотрен положительно, и 9 января 1956 г. Богомолов вручил Сеньи ответ на сентябрьскую памятную записку, подняв при этом вопрос о возможном приглашении итальянского премьера в СССР. Советский посол в январе 1956 г. встретился с Мартино, который сказал, что с радостью поедет в Москву.

Что касалось Сеньи, то здесь были сложности. И Сеньи, и Мартино говорили, что поездка в СССР для премьера нежелательна из-за сложных отношений с парламентом, прежде всего, со сторонниками Шельбы в ХДП. Мартино посоветовал Богомолову поговорить на эту тему с президентом Гронки, человеком весьма влиятельным в ХДП, поскольку без решения дирекции партии Сеньи все равно не поедет в Москву⁴⁷. Из идеи пригласить Сеньи и Мартино в СССР ничего не вышло. Решение откладывалось до тех пор, пока события в Венгрии осенью 1956 г. не поставили точку в этом вопросе.

Как пояснил посол Ди Стефано в беседе с заведующим Первым европейским отделом МИД СССР А.А. Арутюняном, любое мероприятие "в деле улучшения советско-итальянских отношений будет усиливать позиции левых элементов в Италии, особенно коммунистической партии. Итальянское правительство в этом не заинтересовано и поэтому до окончания выборов (муниципальных 1956 г. — Г.Г.) ничего практически не будет сделано для дальнейшего улучшения советско-итальянских отношений"⁴⁸.

Отношения советского посольства с президентом Гронки складывались более удачно. Еще 24 января 1956 г. в беседе с Богомоловым лидер ИКП П. Тольятти высказал мнение, что Гронки было бы легче поехать в СССР, поскольку он избран на 7 лет, и его положение в стране более устойчивое, чем положение главы правительства. Поэтому советское посольство, а с его подачи и МИД СССР, стали склоняться к тому, чтобы пригласить Гронки наряду с правительственной делегацией, позднее эта идея трансформировалась в представление о возможности приглашения делегации в составе Гронки и Мартино. Конечно Гронки как президент по конституции не обладал полномочиями определять внешнюю политику страны, но он был единственным влиятельным представителем правящей ХДП, который охотно шел на контакт с советским посольством, высказывался в пользу улучшения отношений и разрядки напряженности. В беседе с советским послом 25 января 1956 г. президент Италии рассуждал о проблемах разоружения, европейской безопасности, также изложил свои соображения по германскому вопросу, отличные от официальной позиции Запада. Гронки предположил, что объединенная Германия могла бы 20 лет оставаться нейтральной, а ее государственное устройство могло быть как федеративным, так и конфедеративным, с учетом различий, существующих в двух частях страны.

27 января 1956 г. в МИД СССР была подготовлена записка, в которой говорилось о возможности приглашения Гронки. Богомолову поручалось выяснить, как президент Италии отнесется к перспективе такой поездки⁴⁹. Более того, предложения Гронки были настолько позитивно и серьезно восприняты советским руководством, что итальянскому президенту пришлось в письме на имя Богомолова от 24 февраля 1956 г. пояс-

⁴⁶ Там же, л. 1–2, 6–8; ф. 098, оп. 38, п. 244, д. 18, л. 30–31.

⁴⁷ Там же, оп. 39, п. 246, д. 5, л. 24–26, 29–31.

⁴⁸ Там же, ф. 98, оп. 39, п. 49, д. 6, л. 1.

⁴⁹ Там же, п. 247, д. 12, л. 1–3.

нять, что данные предложения были высказаны им "в плане различных гипотез", и что к ним не надо относиться как к конкретным предложениям, так как "внесение предложений и вообще выражение официального мнения Италии по проблемам внешней политики может иметь место только в соответствии с решениями правительства и через его компетентные органы"⁵⁰. В июне 1956 г. была согласована примерная дата визита: Гронки через доверенное лицо (своего личного врача Гуэли) сообщил послу СССР, что визит можно организовать в апреле–мае 1957 г. В Москве было решено пригласить его в СССР в это время⁵¹.

В 1956 г. общее состояние советско-итальянских отношений улучшилось: частые контакты советского посольства с руководством Италии и рядом ведущих итальянских политических деятелей, знаки внимания МИД СССР к посольству Италии⁵², начало контактов СССР с Ватиканом по вопросу нормализации отношений⁵³, активизация во второй половине 1955–1956 гг. культурных связей между двумя странами, наконец, сама готовность итальянской стороны к переговорам, – все это расценивалось как благоприятные условия для проведения активной политики в отношении Италии. Министерством иностранных дел СССР были подготовлены документы по этому вопросу. В частности, говорилось, что по мнению МИД "основной внешнеполитической задачей СССР по отношению к Италии является активная политика дальнейшего улучшения советско-итальянских отношений и создание предпосылок для уменьшения зависимости Италии от США и ее ослабления как одного из звеньев Атлантического пакта"⁵⁴. Таким образом, можно предположить, что всерьез рассматривалась возможность отрыва Италии от НАТО⁵⁵.

Этой задаче, по-видимому, должны были подчиняться все мероприятия в политической, экономической и культурной сфере. В частности, говорилось об активизации торговли с Италией с целью занять лидирующее место по ряду товаров и таким образом ослабить ее зависимость от США как экономическую, так и политическую⁵⁶.

Следует отметить развитие культурных контактов между СССР и Италией. Тот факт, что в 1955–1956 гг. при отсутствии реальных достижений в политической и экономической сферах, культурные связи активизировались как на неправительственном, так и на официальном уровне, являлся показателем улучшения советско-итальянских отношений. Можно отметить участие СССР в Венецианском кинофестивале в 1955 и 1956 гг. (в 1955 г. 6 советских кинокартин были удостоены премий), в международной художественной выставке "Биеннале ди Венеция" в 1956 г., активизацию артистического обмена, достижение договоренности о проведении недель итальянского кино в СССР и советского в Италии. Неделя итальянского кино с большим успехом прошла в СССР в сентябре 1956 г., однако ответная неделя советского кино в Италии не состоялась из-за венгерских событий⁵⁷.

Положительная динамика наблюдалась и в деятельности общества "Италия–СССР". Общество стало стремиться к привлечению широких кругов итальянской общественности, интересующихся Советским Союзом, даже если они не разделяли левых идей. Важную роль в этом сыграл II Национальный конгресс общества "Италия–СССР", проходивший 25–27 ноября 1955 г. в Риме. В избранное на конгрессе руководство общества "Италия–СССР" вошли представители разных партий. На фоне улучшения междуна-

⁵⁰ Там же, л. 5–6.

⁵¹ Там же, л. 35–37.

⁵² Там же, п. 49, д. 6, л. 6–8.

⁵³ Там же, оп. 38, п. 244, д. 18, л. 12–15; ф. 022, оп. 9, п. 135, д. 71, л. 4–9, 10–12; оп. 39, п. 247, д. 12, л. 35–39, 113–114.

⁵⁴ Там же, ф. 098, оп. 39, п. 247, д. 12, л. 7–9.

⁵⁵ Там же, л. 33–34.

⁵⁶ Там же, л. 7–9.

⁵⁷ Российский государственный архив литературы и искусства, ф. 2329, оп. 9, д. 10, л. 2, 7–9; ГАРФ, ф. 9576, оп. 6, д. 11, л. 19–22.

родной атмосферы изменилось отношение итальянского правительства к этой организации. Например, конгресс получил приветствия от многих правительственных учреждений и политических деятелей, входивших в партии правительственной коалиции. Сотрудники ВОКС делали вывод, что, наконец-то, широкие слои итальянского общества «признали общество "Италия–СССР" как одну из организаций, осуществляющих связи с Советским Союзом»⁵⁸.

Определяющими событиями 1956 г. для отношений СССР со странами Запада были XX съезд КПСС и восстание в Венгрии. XX съезд породил у части западной общественности представления об изменениях в политике Советского Союза, но одновременно вызвал растерянность, а потом и привел к расколу среди левых партий и течений: миф о непогрешимости Сталина рушился. Причем обличал Сталина новый лидер СССР Хрущев⁵⁹.

Западные правительства в целом настороженно отнеслись к итогам XX съезда КПСС. После XX съезда наметилось улучшение отношений Москвы с социал-демократической партией Италии (ИСДП)⁶⁰. Поэтому начавшееся в 1956 г. сближение между ИСП и ИСДП получило одобрение в СССР⁶¹.

Весной 1956 г. советское посольство в Риме предлагало пригласить министров-членов ИСДП П. Росси и Дж. Ромита в СССР. Советская сторона считала, что ИКП "не развернула должной активности в вопросах реализации единства рабочего класса", имея в виду отсутствие связей коммунистов с ИСДП. Пожелание делегации ИСДП посетить СССР, после консультаций с Ненни и Тольятти, было удовлетворено. В Москве было принято решение о возможности одновременного приглашения в СССР делегаций ИСП и ИСДП в октябре 1956 г.⁶²

Впрочем, подавление венгерского восстания перечеркнуло эти планы: и Ненни, и Сарагат осудили советское вмешательство в события в Венгрии⁶³. В отделе ЦК КПСС по связям с зарубежными компартиями было решено вопрос о приглашении в СССР делегаций ИСП и ИСДП снять. Так СССР не приобрел союзника в лице ИСДП, а вот ИСП начал терять. После 1956 г. ИСП стала постепенно сдвигаться вправо, сближаясь с ИСДП и ХДП. Разумеется, причины раскола между коммунистами и социалистами и начало проведения последними политики, которая, в конце концов, привела их в правительство, лежат гораздо глубже. Решение, принятое Ненни, базировалось на представлении о невозможности постоянно пребывать в непримиримой оппозиции вместе с коммунистами⁶⁴. Но нельзя отрицать, что 1956 г. – XX съезд КПСС и венгерские события стали рубежом в политике ИСП в отношении Кремля⁶⁵.

События осени 1956 г. также породили проблемы в ИКП. Председатель контрольной комиссии ЦК ИКП Д'Онофрио в январе 1957 г. жаловался советскому послу на Тольятти, который отстранил от активной работы членов руководства компартии, тесно связанных с СССР, и заменил их более молодыми и, с точки зрения Д'Онофрио, "сомнительными" лицами⁶⁶.

⁵⁸ ГАРФ, ф. 5283, оп. 16, д. 289, л. 13–17, 33–35, 36–39; ф. 9576, оп. 6, д. 11, л. 7–11.

⁵⁹ РГАНИ, ф. 5, оп. 28, д. 417, л. 34–50.

⁶⁰ АВП РФ, ф. 98, оп. 39, п. 247, д. 12, л. 31.

⁶¹ Любин В.П. Социалисты в истории Италии: ИСП и ее наследники, 1892–2006. М., 2007, с. 360.

⁶² РГАНИ, ф. 5, оп. 28, д. 417, л. 90–99.

⁶³ АВП РФ, ф. 98, оп. 39, п. 246, д. 5, л. 118–121.

⁶⁴ Nuti L. The United States, Italy, and the Opening to the Left, 1953–1963. – Journal of Cold War Studies, v. 4, 2002, № 3, p. 36–55; Холодковский К.Г. Итальянская социалистическая партия: причины эволюции вправо. – Мировая экономика и международные отношения, 1966, № 5, с. 128–136; Италия, с. 336–337.

⁶⁵ В беседе с советским послом 21 ноября Тольятти говорил о резкой перемене в поведении Ненни: тот перестал здороваться в парламенте с коммунистами, два месяца избегал встреч с Тольятти. – АВП РФ, ф. 98, оп. 39, п. 246, д. 5, л. 115–117.

⁶⁶ РГАНИ, ф. 5, оп. 28, д. 488, л. 14–18.

Накануне состоявшегося в декабре 1956 г. VIII съезда ИКП, Тольятти, чтобы подчеркнуть автономию ИКП от Москвы, отказывался послать в СССР делегацию для обсуждения принципиальных вопросов политики итальянских коммунистов. Рядовые члены итальянской компартии увлеклись критикой СССР, всех сторонников СССР они называли "сталинистами и сектантами". Даже некоторые члены ЦК и парламентской фракции ИКП осуждали действия СССР в Венгрии⁶⁷.

Что касается отношений СССР с Италией в целом, то подавление советскими танками антикоммунистического восстания в Венгрии вызвало резкое похолодание в отношениях между Римом и Москвой и активную антисоветскую кампанию в Италии⁶⁸. По решению НАТО, итальянской стороной было свернуто культурное сотрудничество с СССР⁶⁹.

Контакты посольства СССР с представителями итальянских политических, экономических и культурных кругов значительно сократились⁷⁰. В Италии прошли антисоветские демонстрации. Были предприняты недружественные акты в отношении СССР: в здание советского торгпредства в Риме 10 ноября 1956 г. была брошена бомба⁷¹. В декабре 1956 г. власти Италии аннулировали визу члену Президиума ЦК КПСС М.А. Суслову, возглавлявшему советскую делегацию на VIII съезде ИКП. Ситуация усугублялась тем, что делегация во главе с Сусловым уже находилась на пути из Вены в Италию. Посол Италии в Москве объяснил решение не пускать Суслова в свою страну резкой реакцией общественного мнения и прессы Италии на сообщение о визите Суслова и угрозой массовых демонстраций против этого визита⁷².

Если начало 1956 г. ознаменовалось улучшением отношений между СССР и Италией и надеждами на полноценный советско-итальянский диалог, а советские дипломаты надеялись уменьшить зависимость Рима от Вашингтона и воздействовать на Италию как на "слабое звено" НАТО, то к концу 1956 г. эти надежды исчезли: все надо было начинать сначала.

Как резюмировал Богомолов в записке Арутюняну в декабре 1956 г.: "В создавшихся в настоящее время условиях посольство в первую очередь считает необходимым восстановить свои связи, особенно в правительственных кругах. До выполнения этой, на мой взгляд, элементарной задачи планировать мероприятия по улучшению итало-советских отношений на 1957 год было бы преждевременным"⁷³.

Таким образом, 1953–1956 гг. для советско-итальянских отношений были временем неоднозначным. Общее ослабление международной напряженности и начало диалога между Востоком и Западом, кульминацией которого на данном этапе было Женевское совещание на высшем уровне, а также относительный успех левых партий на парламентских выборах 1953 г. в Италии и начавшееся после окончания правления Де Гаспери постепенное усиление левых элементов в правящей христианско-демократической партии, способствовали расширению контактов между СССР и Италией. Более того, эти обстоятельства породили у советской стороны иллюзии относительно того, что посредством проведения активной политики можно попытаться "оторвать" Италию от НАТО.

В отличие от сталинского периода, советская дипломатия не выдвигала ультимативных требований: нейтралитет в обмен на пересмотр мирного договора. Анализ документов МИД СССР показывает, что целью советской политики в отношении Италии

⁶⁷ Венгерские события сильно ударили по обществу "Италия–СССР". Количество секций общества сократилось к концу 1956 г. по сравнению с 1955 г. на 7, а количество членов – на 20 тыс. человек. – ГАРФ, ф. 5283, оп. 16, д. 289, л. 33–35, 63–65; ф. 9576, оп. 6, д. 11, л. 12–14.

⁶⁸ АВП РФ, ф. 98, оп. 39, п. 49, д. 6, л. 15–17.

⁶⁹ ГАРФ, ф. 9576, оп. 6, д. 11, л. 19–22.

⁷⁰ АВП РФ, ф. 098, оп. 39, п. 247, д. 12, л. 115–116.

⁷¹ Там же, ф. 022, оп. 9, п. 135, д. 71, л. 1; ф. 98, оп. 39, п. 49, д. 10, л. 13–14.

⁷² Там же, ф. 98, оп. 39, п. 49, д. 6, л. 20–21.

⁷³ Там же, п. 247, д. 12, л. 116.

было воздействие на нее как на "слабое звено" НАТО с целью достижения большей независимости Италии от США и НАТО. Искренность намерений руководителей Италии участвовать в процессе разрядки измерялась готовностью итальянцев действовать вопреки мнению союзников по Североатлантическому блоку.

Влияние "духа Женевы", а позднее – XX съезда КПСС, способствовало активизации культурных контактов между СССР и Италией, началу политического диалога, включавшего в себя подготовку к проведению переговоров на высшем уровне. Однако подавление советскими войсками восстания в Венгрии привело к резкому обрыву всех наметившихся контактов. 1957 г. в основном ушел на их восстановление. Уже в 1957 г. было заключено первое долгосрочное торговое соглашение, результатом которого стал прорыв в экономических отношениях между странами. Так что похолодание, наступившее следом за венгерскими событиями, было недолгим.

Конец 50-х – начало 60-х годов стали периодом, характеризовавшимся как серьезными кризисами в отношениях между Западом и Востоком, так и возобновлением диалога и даже постепенным развитием тенденций, которые во второй половине 60-х годов нашли свое воплощение в процессе разрядки.

Советско-итальянские отношения развивались так же, как и отношения между СССР и Западом в целом. В отдельных аспектах (в торговле, культурных связях с СССР) Италии удавалось опередить многих своих союзников. Это было связано с усилением позиций Италии в НАТО и образованном в 1957 г. ЕЭС, а также с проведением итальянским руководством политики, направленной на дальнейшее укрепление положения своей страны как важного члена западного сообщества.